

Лео Каннер

АУТИСТИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ АФФЕКТИВНОГО КОНТАКТА

перевод с английского В.Е. Кагана

С 1938-го года наше внимание приковано к детям, состояние которых отличается от всего до сих пор описанного настолько значительно и особо, что каждый случай заслуживает – и, я надеюсь, в конце концов получит – подробного описания этих интереснейших особенностей. Ограниченный объем статьи диктует необходимость сжатого представления наших наблюдений. По этой же причине опущены и фотографии. Поскольку никто из наблюдавшихся детей пока не достиг 11-летнего возраста, это сообщение следует рассматривать как предварительное с тем, чтобы расширить его по мере роста детей и дальнейшей оценки их развития.

Наблюдение 1.

Дональда Т. мы впервые видели в октябре 1938г. в возрасте пяти лет и одного месяца. Отец Дональда, прежде чем приехать к нам из родного города, прислал машинописную историю на 33-х страницах, давшую, несмотря на навязчивость детализации, прекрасное представление об истории развития мальчика. Дон родился в срочных родах 8 сентября 1933 г. с весом около семи фунтов. До 8-месячного возраста он получал грудное вскармливание с прикормом, состав которого часто менялся. «Еда, - писал отец, - всегда была для него проблемой. Он никогда не выказывал нормального аппетита. Его никогда не соблазнял вид детей, улетающих конфеты или мороженое». Зубы прорезались в срок. Ходить стал в 13 мес.

К году «он умел мычать или петь правильно много мелодий». До двух лет у него «необычная память на лица и имена, он знал названия множества зданий» в городе. Семья поощряла его в разучивании и декламации коротких стихов и даже 23-го Псалма и 25-ти вопросов и ответов пресвитерианского катехизиса. Родители замечали, что «он не мог научиться задавать вопросы или отвечать на вопросы, пока в них не было рифмы или созвучия, и часто он задавал вопросы, состоящие только из одного слова». Он выговаривал слова очень четко. Он начал интересоваться картинками и очень скоро знал необычайное количество иллюстраций в Комптоновской энциклопедии, узнавал портреты президентов «и большинства его предков и родственников с обеих сторон». Он быстро выучил алфавит «спереди назад и сзади наперед» и научился считать до 100. Уже с раннего возраста он был счастливее всего в одиночестве, почти никогда не просился криком к матери, казалось, не замечал возвращения домой отца и был безразличен к приходившим родственникам. Отец особо подчеркнул, что он не обратил ни малейшего внимания даже на Санта Клауса при полном параде. Ему достаточно самого себя. Он не проявляет чувств, когда его ласкают. Он не замечает, когда кто-то приходит и уходит, и никогда не радуется отцу, матери или товарищам по играм. Кажется, он ушел в раковину и живет сам с собой. Однажды взяли из приюта самого привлекательного его ровесника, чтобы они с Дональдом провели лето вместе, но Дональд никогда не задавал ему вопросов и не отвечал на его вопросы, никогда не играл с ним. Он никогда ни к кому не идет, если его позвать, его приходится принести на руках или привести в нужное место.

На втором году у него появилось «маниакальное стремление крутить в руках

кубики, кастрюли и другие круглые вещи». В то же время, он не любит самоходные машинки, как в тэйлоровских наборах⁴, велосипеды и качели. Он очень боится велосипедов и, когда его уговаривают покататься, впадает почти в ужас, цепляясь за помогающего ему взрослого. Этим летом (1937) мы купили ему горку, и, когда в первый вечер другие дети катались с нее, он к ней даже не подошел, а когда мы поставили его наверх, чтобы он съехал с горки, его обуял ужас. Но на следующее утро, когда никого не было, он вышел, забрался по лесенке на горку и съехал; с тех пор он часто катался с горки, но только если не было детей, чтобы кататься с ним ... Он всегда счастлив и занят, развлекаая сам себя, но протестует, если его заставляют играть с определенными игрушками.

При попытках помешать ему, он давал вспышки гнева с деструктивным поведением. Он «страшно боялся, когда шлепали или ударили», но «не мог связать свое поведение с наказанием за него»,

В августе 1937 г. Дональда поместили в туберкулезный профилакторий, чтобы «изменить среду». Там он обнаружил «нежелание играть с детьми и делать то, что дети его возраста обычно любят». Там он прибавил в весе, но у него появилась привычка трясти головой из стороны в сторону. Он продолжал крутить предметы и прыгал в экстазе при виде их вращения. Его отвлеченность делает его совершенно безразличным к окружающему миру. Кажется, он всегда думает и думает, и чтобы привлечь его внимание, надо пробиться через психический барьер между его внутренним сознанием и окружающим миром.

Отец, на которого Дональд похож физически, успешный, педантичный, работающий юрист, переживший два «срыва» под тяжестью работы. Нарушения здоровья он всегда воспринимает серьезно, укладывается в постель и тщательно выполняет рекомендации врачей даже при легчайшей простуде. «Когда он идет по улице, он так поглощен мыслями, что никого и ничего не видит и не может запомнить виденное по пути».

Мать закончила колледж, спокойная, способная женщина, по отношению к которой муж чувствует себя значительно выше. Вторым ребенком, мальчиком, родился у них 22 мая 1938 г.

Когда Дональда обследовали в Harriet Lane Home в октябре 1938 г., он был в хорошем физическом состоянии. При начальном наблюдении и потом в ходе двухнедельного наблюдения докторами Юджинией С. Камерон (Eugenia S. Cameron) и Джорджем Франклом (George Frankl) в диагностическом центре в Мэриленде наблюдалась следующая картина:

Значительное ограничение спонтанной активности. Он бродил, улыбаясь, стереотипно двигая пальцами, скрещивая их в воздухе. Он тряс головой из стороны в сторону, шепча или мыча одну и ту же мелодию из трех нот. Он с большим удовольствием крутил все, что попадало ему в руки и годилось для кручения. Он бросал вещи на пол, казалось, получая удовольствие от издаваемых ими звуков. Он выкладывал бусы, палочки или кубики в группы с разными последовательностями цветов. Закончив какое-то из этих действий, он пронзительно визжал и подпрыгивал. За пределами этого он не проявлял никакой инициативы, требуя постоянных инструкций (его матери) в любых действиях шире поглощавшего его ограниченного репертуара. Большинство его действий было точными повторениями того, как они выполнялись впервые. Если он крутит кубик, он всегда должен начать с того, чтобы сверху была одна и та же сторона. Он раскладывает пуговицы всегда в определенной последовательности, не имеющей никакой

закономерности, но точно воспроизводящей порядок, в котором их выложил отец при первом показе Дональду.

Отмечались бесчисленные вербальные ритуалы, повторяющихся весь день. Когда он хотел встать после дневного сна, он говорил: «Бу (так он называл мать), скажи: ‘Дон, ты хочешь встать?’». Мать выполняла это, и Дон говорил: «Сейчас скажи: ‘Хорошо’». Она говорила, и он вставал. Во время еды, повторяя часто слышанное, он говорил матери: «Скажи: ‘Ешь это, а то не дам тебе помидоры, а съешь - дам’» или «Скажи: ‘Если выпьешь это, я засмеюсь и улыбнусь’».

Мать должна была подчиняться, или он визжал, кричал и напрягал мышцы шеи. Это повторялось в течение дня по разным поводам. Казалось, он получает огромное удовольствие, произнося слова или фразы типа «Хризантема», «Георгин, георгин, георгин», «Бизнес», «Виноградное вино», «Правая здесь, левая – нет», «Сияние сквозь тучи». Такие неуместные высказывания были обычны для его речи. Его повторение когда-то слышанного выглядело попугайничаньем. Он использовал личные местоимения, повторяя обращение к нему и даже имитируя интонацию. Когда он хотел, чтобы мать сняла с него ботинки, он говорил: «Сними твои ботинки», а когда хотел в туалет: «Ты хочешь в туалет?». Значение слов для него было буквальным и негибким. Казалось, он не может обобщить, применить выражение к другому похожему предмету или ситуации. Если такое случайно удавалось, это становилось замещением, которое потом заменяло исходное значение. Так, он окрестил банки с акварелью именами пяти близнецов Дионы – Анетта для голубой, Цецилия – для красной и т. д. и, смешивая краски, приговаривал: «Анетта и Цецилия делают фиолетовый».

Его слова «положи это вниз» означали для него, что он положил что-то на пол. У него были «молочный стакан» и «стакан для воды», и когда он наливал молоко в «стакан для воды», оно становилось «белой водой».

Слово «Да» долгое время означало его желание, чтобы отец посадил его на плечо. Было понятно, откуда это взялось. Пытаясь научить его говорить Да и Нет, отец как-то спросил: «Ты хочешь, чтобы я посадил тебя на плечо?». Дон выражал согласие буквальным повторением вопроса, похожим на эхолалию. Отец тогда сказал ему: «Если ты хочешь, чтобы я взял тебя на плечо, скажи Да, а если не хочешь, скажи Нет». Дон сказал Да, и после этого Да стало обозначать желание оказаться у отца на плече.

Он не обращал никакого внимания на людей вокруг. Заходя в комнату, он полностью игнорировал людей и немедленно шел к вещам, предпочитая те, которые можно крутить. Команды или действия, которые не удавалось игнорировать, он воспринимал как нежелательное вторжение и впадал в гнев. Но его гнев никогда не адресовался вмешавшемуся человеку. Он сердито отталкивал оказавшуюся на его пути руку или наступившую на один из его кубиков ногу, как-то назвав ногу зонтиком. Когда помеха убиралась, он полностью забывал о ней. Не обращая внимания на других детей, он шел к своим любимым игрушкам, уходя от осмелившихся присоединиться к нему. Если кто-то из детей забирал у него игрушку, он не сопротивлялся. Он чирикал поверх картинок в раскрасках, когда другие раскрашивали, прячась или закрывая уши руками, если они сердили его. Мать была единственным человеком, с которым у него был какой-то контакт, но и ей приходилось тратить все свое время, нащупывая способы удерживать его в игре с ней.

После возвращения домой мать периодически писала нам о его развитии. Он

быстро научился бегло читать и играть простые мелодии на пианино. Он начал отвечать, когда удавалось привлечь его внимание, на вопросы «которые требуют ответа да или нет». Хотя он начал иногда называть себя Я, а собеседника – Ты, инверсия местоимений сохранялась еще долгое время. Когда, например, в феврале 1939 г., споткнувшись и едва не упав, он сказал о себе: «Ты не упал». Его приводило в замешательство непостоянство орфографии: bite должно было писаться как bight, чтобы соответствовать light. Он мог часами писать на доске. В его играх стало больше воображения и разнообразия, хотя они оставались ритуальными.

Он появился у нас снова для осмотра в мае 1939 г. Внимание и концентрация выросли. Он был в лучшем контакте с окружением и обнаруживал некоторые непосредственные реакции на людей и ситуации. Он выражал досаду, когда его настойчиво и требовательно пытались купить на посулы чего-то, и радовался похвале. В клинике мы могли наблюдать постоянные и настойчивые попытки как-то следовать режиму дня и более или менее правильное обращение с вещами. Но он все еще рисовал пальцем буквы в воздухе, стрелял словами (Точка с запятой; Двенадцать, двенадцать; Убит, убит; «Я могу поставить маленькую запятую или точку с запятой»), жевал бумагу, пачкал волосы пищей, бросал книги в унитаз, засовывал ключ в сливное отверстие, залезал на стол и на шкаф, давал вспышки гнева, сам с собой хихикал и шептал что-то. Добравшись до энциклопедии, он выучил около 15-ти слов из указателя и повторял их снова и снова. Мы помогали матери в ее попытках развить его интерес к обычным житейским ситуациям и участвовать в них.

Вот некоторые выдержки из последующих писем матери.

Сентябрь 1939. Он по-прежнему ест, моется и одевается только в моем присутствии и с моей помощью. Он становится изобретательнее, строит из кубиков, разыгрывает истории, пытается мыть машину, поливает из шланга цветы, играет в магазин с домашними бакалейными запасами, пробует вырезать картинки ножницами. Цифры до сих пор очень влекут его. В то время как его игра определенно развивается, он никогда не задает вопросов о людях и не выказывает никакого интереса к нашим разговорам ...

Октябрь 1939. (Директор школы – знакомый матери – согласился попробовать взять Дональда в 1-й класс). Первый день стоил мальчику многих усилий, но потом с каждым днем все шло лучше и лучше. Дон намного более самостоятелен, хочет делать многое по самообслуживанию. Он хорошо ходит в строю, отвечает, когда его вызывают, он более послушен и покладист. Он никогда сам не рассказывает о происходящем в школе и никогда не отказывается идти в школу ...

Ноябрь 1939. Я утром зашла в его класс и была удивлена тем, как хорошо он сотрудничал и реагировал. Он был очень тих, спокоен и слушал учителя примерно пол-урока. Он не визжал, не бегал по классу, а сидел за партой, как все дети. Учительница начала писать на доске и это сразу же привлекло его внимание. Она писала:

Бетти может кормить рыбку. Дон может кормить рыбку. Джерри может кормить рыбку. Когда подошла его очередь, он отправился к доске и обвел кружком свое имя, после чего покормил золотую рыбку. Потом детям раздали книгу для чтения, он открыл названную учительницей страницу и, когда его вызвали, читал. Он также ответил на вопросы по картинке. Отвечая, он несколько раз, когда ему было

особенно приятно, подпрыгивал и один раз потряс головой ...

Март 1940. Самое большое улучшение, которое я заметила, это его осознание окружающего мира. Он намного больше говорит и задает изрядно больше вопросов. Не часто случается, чтобы он сам рассказал о происходящем в школе, но, если я задаю наводящие вопросы, он отвечает на них правильно. Он по-настоящему включается в игры с другими детьми. Однажды он втянул всю семью в недавно узнанную игру, точно говоря каждому из нас, что делать. Он лучше ест сам и обслуживает себя ...

Март 1941. Он значительно улучшился, но основные трудности все еще налицо ... Дональд был приглашен на повторный осмотр в апреле 1941 г. Он проигнорировал предложение войти в кабинет, но охотно дал ввести его. Войдя, он не обратил внимания на трех присутствовавших врачей (двух из них он хорошо помнил по предыдущим встречам), а немедленно отправился к доске и занялся бумагами и книгами. Сначала он стереотипно отвечал на вопросы: «Я не знаю». Потом взял карандаш и бумагу и стал заполнять страницы и страницы буквами алфавита и несколькими простыми узорами. Он выстроил буквы в две или три линии, читая их чаще по вертикали, чем по горизонтали, и был очень доволен сделанным. Временами он без просьб говорил или спрашивал: «Я собираюсь пробыть в Центре два дня». Позже он сказал: «Где мама?». «Для чего тебе мама?» - спросили его. «Я хочу обнять ее за шею».

Он верно пользовался местоимениями, и фразы его были грамматически правильными.

Преобладающая часть его «разговоров» состояла из obsessивных вопросов. Он был неистощим в вариациях: «Сколько дней в неделе, лет в веке, часов в дне, часов в половине дня, недель в веке, веков в половине тысячелетия?» и т. д.; «Сколько пинт в галлоне, сколько нужно галлонов, чтобы наполнить четыре галлона?». Иногда он спрашивал: «Сколько часов в минуте, сколько дней в часе?» и т. д. Он выглядел размышляющим и всегда требовал ответа. Временами он быстро отвечал на вопрос или просьбу и тут же возвращался к прежнему поведению. Многие его ответы были метафоричны или как-то по-иному необычны. В ответ на просьбу вычесть 4 из 10-ти он заявил: «Я нарисую шестиугольник».

Он все еще был крайне аутичен. Его отношения с людьми не простирались дальше обращения к ним в случае надобности или желания узнать что-нибудь. Разговаривая, он никогда не выглядел как личность и не использовал коммуникативные жесты. Даже этот контакт прекращался с момента, когда его желание было удовлетворено.

Письмо от матери, датированное октябрём 1942 г.:

Дон все еще безразличен ко многому вокруг. Его интересы часто сменяются, но он всегда поглощен чем-нибудь странным и посторонним. Его буквальность до сих пор сильна, он хочет писать слова так, как они звучат, и соответственно этому произносить буквы. Мне удалось побудить его сделать кое-что по дому, чтобы получить за это игрушечные деньги. Сейчас он действительно любит смотреть фильмы, но без определенной сюжетной линии. Еще одно новое его увлечение – старые выпуски журнала «Тайм». Он нашел первый номер от 3 марта 1923 г. и пытается составить список дат публикации, начиная с этого времени, добравшись

сейчас до апреля 1934 г. Он составляет ряды из номеров выпусков и делает другую подобную чепуху.

Наблюдение 2.

Фредерик В. был направлен к нам 27 мая 1942 г. в возрасте 6 лет с указанием врача на то, что «его адаптивное поведение в социальной ситуации представлено агрессией и изоляцией». Его мать сообщила: Ребенок всегда сам по себе. Я могла оставить его одного, и он был счастлив развлекать сам себя, ходя по кругу, напевая. Я никогда не видела его кричащим, чтобы привлечь внимание. Он никогда не интересовался игрой в прятки, но катал мяч взад-вперед, наблюдая за бритьем отца, хватал футляр от бритвы и прятал бритву за спину, клал крышку на мыльницу. Он никогда не чувствовал себя хорошо в требующих кооперации играх. Его не привлекали обычные детские игрушки типа машин. Он боялся моей взбивалки для яиц и каменеет при звуках пылесоса. Лифты повергают его в панику. Он боится волчков.

До последнего года он в основном игнорировал людей. Когда у нас бывали гости, он не обращал на них никакого внимания. Он смотрел с любопытством на маленьких детей и затем уходил от всех. Даже с бабушкой и дедушкой он вел себя так, будто их не было. Лишь около года назад он начал проявлять к ним интерес и даже мог пойти к ним. Но обычно люди ему мешают. Если они подходят слишком близко, он отталкивает их. Он не хочет, чтобы я трогала или обнимала его, но может подойти и дотронуться до меня.

Он в известной мере склонен привязываться к какой-то одной вещи. На одной из книжных полок у нас стоят три вещицы в определенном порядке. Всякий раз, когда этот порядок изменяется, он восстанавливает его. Он определенно не любит пробовать новое. Но после долгого наблюдения, он вдруг делает это. Он хочет быть уверенным, что делает это правильно.

До 2 лет он произнес всего два слова: «Папа» и «Дора» - имя мамы. После этого, между двумя и тремя годами, он мог говорить слова, которые, казалось, приходили неожиданно для него самого. Он произносил их и больше никогда не повторял. Одним из первых его слов было «комбинезон». Лишь однажды никогда не ждавшие ответов на свои вопросы были удивлены его ответом: «Да». Около 2,5 лет он начал петь и пел около двадцати или тридцати песен, включая короткую французскую колыбельную. В 4 года я попыталась учить его просить вещи, прежде чем взять. Но он оказался упрямее меня и продержался дольше – вещи он не брал, но и на мои уговоры не поддавался. Сейчас он может считать в пределах ста и читать числа, но не проявляет никакого интереса к тому, чтобы сосчитать предметы. У него большие трудности с освоением личных местоимений. Получив подарок, он может сказать: «Скажи спасибо». Он бросает шар и, когда видит падающие кегли, подпрыгивает, ликуя.

Фредерик родился 23 мая 1936 г. в ягодичном предлежании. У матери было «что-то с почками», и за две недели до срока было сделано кесарево сечение. После рождения с ребенком все было хорошо, вскармливание – без проблем. Мать вспоминала, что никогда не наблюдала позы готовности при попытках взять его на руки. Сел в 7, пошел около 18 мес. Он не болел, если не считать случайных простуд. Попытки отдать его в детский сад были безуспешны: «Он либо уединялся и забивался в угол, либо выскакивал на середину и был агрессивен».

Мальчик – единственный ребенок. Отцу 44 года, он закончил университет и занимается болезнями растений, много времени проводя в разъездах. Он терпеливый и уравновешенный человек, слегка обсессивен; в детстве не вступал в разговор, «пока поезд не уйдет», и был щуплым – возможно, «из-за недостатка витаминов в доступной в Африке еде». Матери 40 лет, она закончила колледж, работала секретаршей в офисах врачей, агентом по закупкам, директором секретарских программ в женской школе и одновременно учителем истории, здорова и уравновешена.

Дед по линии отца организовывал медицинские миссии в Африку, изучал тропическую медицину в Англии, стал авторитетом в области марганцевых разработок в Бразилии, будучи в то же время деканом медицинской школы и директором музея искусств в одном из американских городов, и в справочнике «Кто есть кто» фигурировал под двумя разными именами. Он исчез в 1911 г., и местонахождение его 25 лет оставалось неизвестным. Затем выяснилось, что он уехал в Европу и женился там на писательнице-новеллистке, не будучи разведенным с первой женой. Семья считает его «близким к гениальности человеком очень сильного характера, стремившемся делать все так хорошо, как он только мог».

Бабушка по линии отца описывается как «бескомпромиссный миссионер, какого едва ли еще встретишь, очень доминантная и трудная в общении, сейчас занимающая видное место в колледже альпинистов на Юге».

Отец – второй из пяти детей. Старший брат – видный газетчик и автор бестселлера. Замужняя сестра — певица, «легко возбудима и весьма претенциозна». Следом идет брат, пишущий для приключенческих журналов. Самый младший – художник, писатель и радиокomentатор – «до шести лет не говорил, и первым, что он сказал, было: «Хотя лев не умеет говорить, он умеет свистеть».

Мать сказала о своих родственниках, что «они очень обычные люди». Ее семья живет в одном из городов в Висконсине, отец – банкир, мать «умеренно интересуется» церковной работой, а три сестры – все младше нее – средние дамы среднего класса.

Фредерик поступил в Harriet Lane Home 27 мая 1942 г. Он выглядел довольно упитанным ребенком. Окружность головы была 27 дюймов (68,6 см), груди – 22 дюйма (56 см), живота – 21 дюйм (55,5 см). Значительно выступающие затылочные и лобные зоны. Многочисленные добавочные соски в левой подмышечной области. Рефлексы ослаблены. Все остальное, включая данные лабораторных исследований и рентгенограмму черепа, было нормальным за исключением увеличенных миндалин с неровной поверхностью.

Медсестра привела его в кабинет и сразу же вышла. У него было умное и напряженное, весьма перепуганное выражение лица. Некоторое время он бесцельно бродил, не проявляя никаких признаков осознания присутствия трех взрослых. Затем сел на кушетку, издавая нечленораздельные звуки, потом неожиданно с блуждающей улыбкой улегся на пол. Если он отвечал на вопросы и просьбы, то эхолокачески повторяя их. Самым ярким в его поведении была разница реакций на людей и на вещи. Вещи легко привлекали его, и он проявлял хорошее внимание и усидчивость в игре с ними. Казалось, что люди вызывают у него ощущение вторжения и он обращает на них как можно меньше внимания. Когда его вынуждали, он коротко отвечал и возвращался к вещам. Если перед ним

держали руку так, что он уже не мог ее игнорировать, он недолго играл с ней, как если бы она была отдельной вещью. Он задул спичку с выражением удовлетворения от того, что сумел это сделать, но даже не взглянул на зажегшего спичку человека. Когда в кабинет вошел еще один человек, мальчик на минуту или две спрятался за книжным шкафом, говоря: «Я тебя не хочу» и прогоняя его прочь, а затем вернулся к игре, не обращая внимания ни на него, ни на остальных. Результаты тестирования (Grace Arthur performance scale) было трудно оценить из-за недостаточного сотрудничества мальчика. Лучше всего он справился с досками Сегена (кратчайшее время, 58 сек.). В завершении изображения лошади и жеребенка он, казалось, руководствовался целостной формой, не считаясь с тем, оказываются ли элементы на правильной стороне. Он смог дорисовать треугольник, но не смог – прямоугольник. Он спонтанно и с интересом выполнял вложение фигур, проявляя хорошие усидчивость и концентрацию. Между тестами он бродил по кабинету, исследуя разные предметы или копаясь в мусорной корзине и не обращая внимания на присутствующих. Он издавал частые сосущие звуки и время от времени целовал тыльную поверхность своей руки. Он был заморожен кругом из теста вложения фигур, катая его по столу и с переменным успехом пытаясь поймать, прежде чем тот скатится со стола.

Фредерик поступил в Devereux школу 26 сентября 1942 г.

Наблюдение 3.

Ричард М. Был направлен в госпиталь Джона Гопкинса 5 февраля 1941 г. в возрасте 3 лет и 3 мес. с жалобами на глухоту, т. к. он не разговаривал и не отвечал на вопросы. Вскоре после поступления один из интернов сделал следующее наблюдение:

Ребенок выглядит достаточно развитым, играя с игрушками в кровати и будучи адекватно любопытным к используемым в обследовании инструментам. В игре он достаточно самостоятелен. Трудно сказать, слышит ли он, но кажется, что слышит. Он выполняет просьбы типа «Сядь» или «Ляг», даже когда не видит говорящего. Он не обращает внимания на разговоры вокруг него и издает звуки, в которых невозможно различить слова.

Его мать захватила с собой копии своих записок, свидетельствующие об одержимой поглощенности деталями и тенденцией интерпретировать все особенности действий ребенка. Она наблюдала и отмечала каждый жест и взгляд, пытаясь отыскать их специфический смысл и в конце концов останавливаясь на каком-то особом, часто очень натянутом объяснении. У нее набралось множество таких материалов, очень детальных и богато иллюстрированных, больше представляющих ее версии происходящего, чем происходящее в действительности.

Отец Ричарда – профессор лесоводства в одном из южных университетов, Он очень погружен в работу, почти полностью исключая социальные контакты. Мать закончила колледж. Дед по матери – врач, и вся остальная родня с обеих сторон представлена интеллектуальными профессионалами. Младший брат Ричарда 31-го мес. описывается как нормальный, хорошо развитый ребенок. Ричард родился 17 ноября 1937 г. Беременность и роды протекали нормально. Он сел в 8 месяцев и пошел в год. Мать начала с трехнедельного возраста «тренировать» его, используя ректальные свечи, «чтобы стул был по часам». Сравнивая своих детей, мать вспоминает, что тогда как младший сын активно принимал позу готовности перед взятием на руки, Ричард ни мимически, ни позой

такой готовности не проявлял и не приспособливался телесно к держанию на руках ею или медсестрой. Вскармливание и физическое развитие протекали нормально. После противооспенной прививки у него была температура с диареей, прошедшая меньше чем за неделю.

В сентябре 1940 г. мать, комментируя задержку развития речи, писала в дневнике: Я даже не могу точно сказать, когда он перестал имитировать словесные звуки. Кажется, что последние два года он постепенно возвращался в развитии назад. Мы думали, что все хорошо, и он просто не говорит о том, что у него в голове. Сейчас то, что он издает так много звуков, приводит нас в замешательство, потому что теперь очевидно, что он не умеет говорить. Я думала, что он мог бы, если бы только захотел. Он производил на меня впечатление молчаливой мудрости ... Есть одна смущающая и обескураживающая вещь – очень трудно привлечь его внимание.

Физическое обследование не выявило нарушений, кроме увеличенных миндалин и аденоидов, которые были удалены 8 февраля 1941 г. Окружность головы была 54,5 см, электроэнцефалограмма без нарушений.

Он сам вошел в кабинет психиатра и сразу погрузился в активную игру с игрушками, не обращая внимания на людей. Время от времени он бросал взгляд на стены, улыбался и издавал короткие прерывистые громкие звуки – «Ии! Ии! Ии!». Он выполнил словесную и жестовую просьбу матери снять тапочки. Когда за этой просьбой последовала другая, уже без жестов, он повторил первую просьбу и снова снял тапки (которые к тому времени были уже надеты). Он хорошо работал с доской форм, но с повернутой доской ему это не удавалось. В следующий раз мы видели Ричарда в 4 года и 4 месяца. Он заметно вырос и прибавил в весе. По дороге в кабинет он плакал и наделал много шума, но, успокоившись, вошел сам. Войдя, он тут же принялся включать и выключать свет. Он не проявлял интереса к обследующему или другим людям, но увлекся небольшой коробкой, которую подбрасывал, как будто она была мячом. В 4 года 11 месяцев, войдя в кабинет (или любую другую комнату), он сразу начинал включать и выключать свет. Он забирался на стул и со стула на стол, чтобы достать до выключателя настенной лампы. Он не сообщал о своих желаниях, но приходил в ярость и не успокаивался до тех пор, пока мать не угадывала и не выполняла его желание. У него не было контакта с людьми, которых он определенно воспринимал как препятствия, когда они заговаривали с ним или пробовали как-то иначе привлечь его внимание. Мать чувствовала, что больше не может справиться с ним, и он был помещен в приют под Аннаполисом с женщиной, имевшей замечательный талант обращения с трудными детьми. Недавно эта женщина услышала от него первые осмысленные слова, Это было «Спокойной ночи».

Наблюдение 4.

Пол Г. был направлен в марте 1941 г. в возрасте 5 лет для психометрической оценки того, что расценивалось как тяжелый умственный дефект. Он посещал частный детский сад, где его бессвязная речь, неспособность адаптироваться и вспышки гнева в ответ на любое препятствие создавали впечатление слабоумия. Пол, единственный ребенок, приехал с матерью из Англии около двух лет назад. Его отец, горный инженер, предположительно находящийся в Австралии, оставил жену незадолго до этого после нескольких лет несчастливого брака. Мать, вроде

бы закончившая колледж, непоседливая, нестабильная, возбудимая женщина, дает расплывчатые и очень противоречивые сведения о семье и развитии ребенка. Она долго подчеркивает и иллюстрирует ее усилия сделать Пола умным, обучая его запоминать поэмы и песни. К трем годам он знал слова не менее 37 песен и много разных детских стишков.

Он родился нормальными родами. На первом году были частые рвоты, и частые смены формулы вскармливания почти не помогали. Рвоты прекратились с переходом на твердую пищу. Первые зубы прорезались в срок, в срок же начал удерживать головку, сел, пошел и овладел навыками опрятности. Перенес корь, ветрянку и коклюш без осложнений. В три года были удалены миндалины. Единственное отклонение при физическом осмотре – фимоз. Ниже приводятся данные наблюдений на амбулаторном приеме, в ходе пяти недель пребывания в пансионате и нескольких дней в госпитале.

Пол был стройным, хорошо сложенным и привлекательным ребенком с умным и живым выражением лица. Отмечалась отчетливая праворукость. Он редко отвечал на обращения к нему – даже по имени. Однажды он по просьбе поднял кубик с пола. В другой раз он скопировал круг сразу после того, как его нарисовали. Иногда энергичное «Нет!» заставляло его прервать то, что он в этот момент делал. Но обычно при обращении к нему он продолжал свои занятия, как будто никто ничего не сказал. При этом никогда не было чувства, что он сознательно слушается или не слушается. Он был так отдален, что замечания не достигали его. Он всегда оживленно занимался чем-то и выглядел удовлетворенным, пока кто-нибудь не пытался помешать его действиям. Тогда он сначала нетерпеливо пробовал избавиться от препятствия, а если это не удавалось, исполненный гнева кричал и дрался.

Его отношения к людям и вещам были ярко контрастны. Войдя в комнату, он сразу пошел к вещам и правильно обращался с ними. Он не был деструктивен и обращался с вещами заботливо и даже с любовью. Он взял карандаш и нарисовал каракули на найденном на столе листе бумаги. Он открыл коробку, вынул из нее игрушечный телефон, напевая: «Он хочет телефон», и принялся расхаживать по комнате, держа трубку в правильном положении. Взяв ножницы, он терпеливо и ловко порезал лист бумаги на мелкие кусочки, напевая: «Резать бумагу, резать бумагу ...». Он нашел игрушечную машинку и бегал по комнате, поднимая ее высоко над головой и напевая снова и снова: «Машина летает». Наряду с этими словами, произносившимися всегда с одним и тем же выражением и связанными с его действиями, он выкрикивал и слова, никак не связанные с ситуацией, например: «Люди в гостинице», «Ты ушиб ногу?», «Конфеты кончились, нет конфет», «Ты упал с велосипеда и набил шишку на голове». Однако, некоторые его выкрики были отчетливо связаны с предшествующим опытом. У него была привычка говорить почти ежедневно: «Не бросай собаку с балкона». Мать вспомнила, что она сказала ему это об игрушечной собаке, еще когда они жили в Англии. При виде кастрюльки он неизменно выкрикивал: «Peten-eater». Мать вспомнила, что это возникло, когда ему было два года и она случайно уронила кастрюлю во время чтения ему детского стишка «Peter, Peter, pumpkin eater». Большая часть его речевых стереотипов воспроизводила предостережения по поводу телесных повреждений.

Ни одно из таких замечаний не имело коммуникативной ценности. У него не было эмоциональной привязанности к людям. Он вел себя, как если бы люди ничего для

него не значили или вовсе не существовали, независимо от того, обращались к нему дружественно или резко. Он никогда не смотрел людям в лицо. Когда он все-таки как-то взаимодействовал с людьми, он обращался с ними или даже скорее с частями их, как с вещами. Он мог пользоваться ведущей его рукой. В игре он мог бодаться с матерью точно так же, как он бодался с подушкой. Он позволял рукам воспитательницы одевать его, не обращая ни малейшего внимания на нее. Оказавшись с детьми, он игнорировал их и шел к их игрушкам.

У него было четкое произношение и хороший запас слов. Он правильно строил предложение за исключением того, что никогда не пользовался местоимением первого лица и не называл себя Полом. Все его высказывания о себе делались во втором лице, точно повторяя сказанное ему прежде. Свое желание конфеты он выражал словами: «Ты хочешь конфету». Он мог отдернуть руку от горячей батареи и сказать: «Ты обжегся». Время от времени он, как попугай, повторял сказанное ему.

Формальное тестирование не проводилось, но он, несомненно, не был слабоумен в обычном смысле этого слова. После трехкратного повторения воспитательницей предобеденной молитвы он без ошибок воспроизвел ее и с этих пор запомнил. Он умел считать и называть цвета. Он быстро научился узнавать свои любимые пластинки среди множества других, ставить их на проигрыватель и включать его.

Его воспитательница сообщила о множестве наблюдений, указывающих на компульсивное поведение. Он часто самозабвенно мастурбировал. Он бегал по кругу, экстатически выкрикивая фразы. Брал маленькое одеяло и подолгу тряс его, зачарованно приговаривая: «Ии! Ии!» и впадая в сильное возбуждение при попытках противодействия. Все это и многое другое не просто повторялось, но воспроизводилось день за днем с почти фотографической точностью.

Наблюдение 5.

Барбара К. была направлена к нам в феврале 1942 г., когда ей было 8 лет и 3 мес.

Ее отец писал:

Первый, нормально родившийся 30 октября 1933 г. ребенок. Она вяло сосала и в недельном возрасте была переведена на искусственное вскармливание. В 3 месяца перестала принимать какую-либо пищу и до года вскармливалась через зонд по пять раз в день; потом начала есть, но до 18 месяцев с едой было много трудностей. С этого времени она хорошо ест, любит экспериментировать с едой, пробовать новое и сейчас увлечена стряпней.

К двум годам у нее был обычный запас слов, но она всегда медленно складывает слова во фразы. У нее феноменальные способности к орфографии и чтению, она хорошо пишет, но вербальная экспрессия до сих пор трудна для нее. Ее письменный язык помогает устному. Арифметика за исключением механического запоминания ей не дается.

В младенчестве склонная к повторениям, сейчас она обсессивна: раскладывает вещи на кучки, берет вещи с собой в кровать, повторяет фразы, застревает на мыслях, фразах и т. д. и упорно повторяет их, а потом переходит к чему-нибудь еще. Себя она называла Ты, а мать или меня Я – так, как мы это делали,

разговаривая с ней.

Очень робка, боится разных и изменяющихся вещей, крупных животных и т. д. Преимущественно пассивна, но временами пассивно упряма. Не удивляется, если слышит (а она слышит) о вещах, удивляющих других. Никакого духа соревновательности и желания понравиться учителю. Даже зная что-то, что другие в классе не знают, никак не показывает этого, а молчит и, может быть, даже слушает.

Минувшим летом в лагере ее любили, она научилась плавать, была ловка в воде (прежде она всегда выглядела неуклюжей), перестала бояться пони, лучше играла с 5-летними детьми. В лагере у нее были авитаминоз и истощение, но она почти не жаловалась.

Отец Барбары – видный психиатр. Мать – хорошо образованная, доброжелательная женщина. Младший брат, родившийся в 1937 году, здоровый, живой и хорошо развитый ребенок.

Барбара по просьбе «пожимает руку» (левой рукой при встрече и правой при прощании) просто протягивая расслабленную ладонь к предпочитаемой руке обследуемого; движение лишь отдаленно напоминает приветствие. На протяжении всего обследования не было никаких признаков аффективного контакта. В ответ на укол булавкой она убирала руку, боязливо косясь на булавку (но не на обследуемого) и говоря: «Больно!», не обращаясь к кому-то из присутствующих.

К тестированию она не проявила интереса. Идея теста, обсуждение опыта или ситуации казались чуждыми ей. Она высунула язык и играла со своей рукой, как с игрушкой. Ручка на столе привлекла ее внимание, и она сказала: «Ручка, как твоя дома». А потом, глядя на карандаш, спросила: «Можно, я возьму это домой?».

Услышав разрешение, она даже не попробовала взять его, Получив карандаш, она оттолкнула его со словами: «Это не мой карандаш».

То же самое она проделывала и с другими вещами. Несколько раз она сказала: «Поищем маму» (которая была в холле).

Она прекрасно читала, справившись с рассказом Бине о костре для возраста 10 лет за 33 секунды без единой ошибки, но не смогла воспроизвести ничего из прочитанного. На картинках Бине она не видела (по крайней мере, из ее слов не следовало, что видит) действий или связей между отдельными вещами, которые она без труда перечислила. Почерк был разборчив. Рисунки (человек, дом, кот, сидящий на шести лапах, тыква, машина) были невыразительны и стереотипны. Она пользовалась правой рукой для письма и левой для всего остального, ведущей ногой была левая, а ведущим глазом – правый.

Она знала дни недели и начала перечислять их: «Суббота, воскресенье, понедельник», потом сказала: «Ты пойдешь в школу» (подразумевая «в понедельник»), а потом остановилась, как будто перечисление было завершено.

Во время всех этих процедур, которые – часто после нескольких повторений вопроса или просьбы – она выполняла почти автоматически, она небрежно и спонтанно писала слова: «апельсины», «лимоны», «бананы», «виноград». «вишни»,

«яблоки», «абрикосы», «мандарин», «грейпфруты», «арбузный сок»; слова иногда нелезали друг на друга и явно не предназначались для чтения другими. Она часто прерывала любой «разговор» упоминаниями «грузовиков» и «прицепов» (которыми, по словам отца, была поглощена последнее время). Она, например, сказала: «Я видела грузовики», «Я видела прицеп, когда шла в школу».

Ее мать заметила: «Выступающие детали вроде дымовой трубы или стержня маятника заворачивают ее». До этого отец сказал о «свежем интересе к сексуальным вопросам, верчении вокруг во время принятия ванны и навязчивом интересе к уборным».

Барбара была помещена в специальную школу, где она достигла некоторого прогресса в отношениях.

Наблюдение 6.

Вирджиния С., родилась 13 сентября 1931 г., и с 1936-го (за исключением одного месяца в 1938 г., когда в надежде дать ей какой-то шанс в обучении ее поместили в школу для глухих) находится в государственной школе для умственно отсталых детей.

Доктор Эстер Ричардс (Esther Richards), видевшая ее несколько раз, и понявшая, что она не глуха и не слабоумна, написала в мае 1941 г.:

Вирджиния держится отдельно от других детей (в школе), потому что она совершенно не такая, как все. Она стройна и опрятна, не играет с детьми, не кажется глухой при обычной проверке слуха, но не говорит. Ребенок развлекает себя, часами складывая разрезные картинки и не отвлекаясь, пока не соберет все. Я наблюдала, как она работала с коробкой, наполненной перемешанными частями двух разных пазлов, подбирая кусочек к кусочку. Все, что я наблюдаю, говорит о врожденных отклонениях, которые выглядят обязанными больше личностным нарушениям, чем органическому дефекту.

Вирджиния, младшая из двух детей, была дочерью психиатра, сказавшего о себе (в декабре 1941 г.): «Я никогда не любил детей – возможно, это моя реакция на ограничение движения (перемещения), мелкие вмешательства и шум-гам».

О матери Вирджинии он сказал: «Она ни в каком смысле не материнский тип. Ее отношение (к ребенку) похоже скорее на отношение к кукле или домашнему животному, чем к чему-нибудь еще».

Брат Вирджинии, Филипп, на 5 лет старше, когда был в 15 лет направлен к нам с тяжелым заиканием, в ответ на вопрос о доме расплакался и сказал сквозь слезы: «Единственный раз, когда отец что-то делал со мной, случился, когда он выругал меня за какой-то проступок».

Мать не намного больше принимала в нем участие. Всю свою жизнь он чувствовал себя живущим в «холодной атмосфере» с двумя недоступными чужаками.

В августе 1938 г. школьный психолог в специальной школе отмечал, что Вирджиния могла реагировать на звуки, оклики ее по имени и команду: «Смотри!».

Она не обращает внимания на сказанное ей, но быстро понимает, чего от нее ждут. Ее действия избирательны, осторожны и точны. По невербальным шкалам тестов

Бине и Меррилл-Палмер ее IQ достигал 94. «Несомненно, – комментировал психолог, – ее интеллект выше... Она спокойна, серьезна, собрана. Не однажды я видел ее улыбку. Она уходит в себя, отделяя себя от других. Она кажется живущей в своем собственном мире, безразличной ко всему вокруг, кроме заинтересовавшего ее. Она в основном самодостаточна и независима. Она безразлично переносит попытки вторжения в ее мир. Никаких проявлений дружелюбности или интереса к людям. С другой стороны, она с удовольствием занимается с вещами, проявляя воображение и инициативу. Характерно отсутствие проявлений любви...

Запись психолога в октябре 1939 г. Сегодня Вирджиния держалась в кабинете свободнее. Она помнила (после более чем года), где лежат игрушки и нашла их. Ее не удалось склонить к выполнению тестов, она не могла ждать показа, что нужно делать. Быстрые, ловкие движения. Попытки и ошибки плюс инсайт. Очень мало ненужных движений. Немедленное повторение тестов уменьшает затрачиваемое время и количество ошибок больше, чем наполовину. Больше половины времени она совершенно не замечает ничего, кроме того, что в этот момент находится в фокусе ее внимания...

Январь 1940 г. Большую часть времени она спокойна, играет и занимается чем-нибудь в одиночестве. Не сопротивляется власти и не доставляет особых беспокойств. Во время групповых занятий быстро становится непоседливой, увлечена и хочет уйти, чтобы удовлетворить свое любопытство к чему-то другому. Она выкрикивает какие-то звуки, если другой ребенок слишком мешает ей. Напевает себе под нос, и в декабре я слышал точную мелодию рождественского гимна, когда она клеила бумажные цепочки.

Июнь 1940 г. Девочки в школе сказали, что в коттедже она говорит некоторые слова. Они вспоминают, что она очень любит конфеты и говорит «Шоколад», «Пастила», а также «Мама» и «Малыш».

Когда мы видели ее 11 октября 1942 г., Вирджиния была рослой, стройной, очень аккуратно одетой 11-летней девочкой. Когда ее звали, она поднималась и подходила, не глядя на позвавшего и просто безразлично стоя, глядя в пространство. Иногда в ответ на вопрос она бормотала: «Мама, малыш». Когда детей собрали у пианино, один ребенок играл, остальные пели. Вирджиния сидела среди детей, как будто не замечая происходящего, и выглядела поглощенной собой. Казалось, она и не заметила, когда дети перестали петь. Когда группа разошлась, она не изменила позы, как будто до нее не дошли изменения вокруг нее. При умном выражении лица взгляд ее был пустым.

Наблюдение 7.

Герберт Б. был направлен к нам 5 февраля 1941 г. в возрасте 3 лет и 2 месяцев. Его полагали серьезно отстающим в умственном развитии. У него не было никаких физических отклонений кроме неопущения яичек. Энцефалограмма была нормальной.

Герберт родился 16 ноября 1937 г. за две недели до срока Кесаревым сечением по желанию матери, вес при рождении – 6 с четвертью фунтов (2 кг 840 г.). С рождения и до 3 месяцев срыгивал все съеденное. Затем рвоты довольно резко прекратились, и за исключением эпизодических срыгиваний вскармливание

проходило удовлетворительно. По словам матери, он «всегда был медлительным и тихим». Одно время его принимали за глухого, потому что «выражение лица у него не менялось при обращении к нему или в присутствии других людей; к тому же он не пытался говорить или воспроизводить слова». Он начал держать головку в 4 месяца и сел в 8 месяцев, но даже не пробовал ходить до 2 лет, когда вдруг «начал ходить, без ползания до этого или опоры на стулья». Он категорически отказывался пить из чего-нибудь, кроме сделанных только из стекла сосудов. Однажды в госпитале он три дня не пил, потому что питье подавалось в металлических кружках. Он «страшно боялся текущей воды, газовых горелок и многих других вещей». Его выводили из равновесия любые изменения привычного порядка: «Заметив изменения, он очень нервничает и кричит». Но сам он любил поднимать и опускать жалюзи, рвать упаковки от карт на кусочки и подолгу играть ими, открывать и закрывать створки дверей.

Родители Герберта развелись вскоре после его рождения. Отца, психиатра, описывают как «необычайно умного, чувствительного, беспокойного, интроспективного человека, относящегося к себе очень серьезно, не интересующегося людьми, живущего преимущественно внутри себя и иногда пьющего». Мать, врач, говорит о себе как об «энергичной, общительной, теплой по отношению к взрослым и детям, но не очень вникающей в их проблемы, находя, что гораздо легче принимать людей, чем пытаться понять их». Герберт – младший из трех детей. Средний брат – нормальный, здоровый мальчик. Старшая сестра, Дороти, родилась в июне 1934 г. тяжелыми 36- часовыми родами, в младенчестве выглядела бодрой и хорошо реагирующей и к 18 месяцам говорила много слов, но в следующие полгода до 2 лет она «не прогрессировала в игровых отношениях и отношениях с людьми, предпочитала одиночество, танцевала кругами, издавала необычные звуки и совершенно игнорировала всех людей, кроме матери, за которую цеплялась в панике и возбуждении» (отец, якобы, ненавидел ее). «Речь была очень скудной и полностью отсутствовало выражение мыслей. У нее были трудности с местоимениями в обозначении себя, и она повторяла «Ты» и «Я» вместо использования их для соответствующих людей». Сначала ее считали умственно отсталой, потом думали о шизофрении, но после развода родителей (дети остались с матерью) она «ожила». Сейчас она ходит в школу, где хорошо успевает; хорошо говорит, ее IQ – 108, и – хотя осторожно и умеренно тревожно – она интересуется людьми и достаточно ладит с ними.

При первом обследовании Герберт обратил на себя внимание умным личиком и хорошей моторной координацией. В определенной мере он проявлял удивительную целенаправленность в достижении им самим избранных целей. Он легко распознавал среди кубиков те, которые были приклеены к доске, и те, что были приделаны намертво. Он мог построить башню из кубиков так же ловко, как любой ребенок его возраста и даже старше. Отвлечь его от выбранных им занятий было невозможно. Его раздражало любое вмешательство, и он отталкивал руку обследующего (даже не взглянув на него) или кричал, когда отталкивание не давало эффекта.

Мы видели его снова в 4 г. и 7 месяцев, а потом в 5 лет и 2 месяца. Он еще не говорил. Оба раза он входил в кабинет, не обращая ни малейшего внимания на присутствующих людей. Он направился к доске Сегена и сразу принялся ловко и быстро вкладывать фигуры в соответствующие гнезда и снова вынимать их. Если ему мешали, он нетерпеливо скулил. Когда одну фигуру украдкой убрали, он сразу заметил ее отсутствие, заволновался, но, как только ее вернули, забыл об этом. Уже

успокоившись после этого, он временами с экстатическим выражением лица подпрыгивал на кушетке. Он не отзывался, когда его звали или обращались к нему. Он был целиком поглощен тем, что делал. Никогда не улыбался. Иногда монотонно и нараспев бормотал что-то нечленораздельное.

Однажды он слегка шлепнул мать по ноге и прикоснулся к ноге губами. Он очень часто подносил к губам кубики и другие предметы. Его поведение во время этих двух визитов было почти фотографически похоже за исключением того, что в 4 г. он пугался и отшатывался, когда зажигали спичку, а в 5 лет реагировал на это экстатическим подпрыгиванием.

Наблюдение 8.

Альфред Л., 3,5 лет, был доставлен на прием матерью в ноябре 1935 г. со следующими жалобами:

У него постепенно обнаруживалась склонность к развитию какого-то одного интереса, который потом ярко преобладает в его дневных занятиях. Пока этот интерес сохраняется, он мало о чем еще говорит, раздражается при невозможности удовлетворять свой интерес (разглядывать, трогать, рисовать), и из-за этой поглощенности очень трудно привлечь его внимание... Еще одна проблема – его сверхпривязанность к словам и предметам и недостаточное развитие социальной осведомленности.

Альфред родился в мае 1932 г. за три недели до срока. Первые два месяца «формула вскармливания была предметом значительных затруднений, но затем он быстро набрал вес и стал необычайно крупным и энергичным ребенком». Сел в 5 и пошел в 14 месяцев.

Развитие речи замедлено; он не проявляет никакого интереса к ней. Редко рассказывает о том, что с ним было, и все еще путает местоимения. Никогда не задает вопросов в точном смысле этого слова (с вопросительной интонацией). С тех пор как он заговорил, проявляется отчетливая склонность снова и снова повторять одно и то же слово или предложение. Он почти никогда не произносит фраз, не повторяя их. Вчера, рассматривая картинку, он много раз повторил: «Некоторые коровы стоят в воде». Мы насчитали 50 повторений, потом после нескольких еще он остановился и затем принялся повторять снова и снова.

У него было множество «волнений»: Он волновался, когда хлеб клали в духовку, чтобы получился тост, – боялся, что хлеб сгорит и он обожжется. Его огорчают закаты. Он беспокоится, что луна не взойдет вовремя. Предпочитает играть один и отходит от игры при приближении другого ребенка. Любит заниматься крупными предметами (строить троллейбус, например) и не хочет, чтобы кто-то подключался к нему или мешал.

Когда использовали механические способы отучить его от сосания большого пальца, он перестал и вместо этого начал тянуть в рот разные предметы. Несколько раз в его кале находили голыши. Незадолго до своего второго дня рождения он наглотался шерсти рождественского кролика, так что она даже попала в дыхательные пути и пришлось делать трахеотомию. Несколькими месяцами позже он проглотил какое-то количество керосина («без каких-либо расстройств»).

Альфред был единственным ребенком. Отцу к его рождению было 30 лет,

«неуживчив, подозрителен, обидчив, легко впадает в гнев, на встречи с друзьями его приходится вытаскивать, свободное время посвящает чтению, возне в саду, рыбалке». Он химик и к тому же закончил юридическую школу². Мать того же возраста, «клинический психолог», очень обсессивна и возбудима. Родители отца рано умерли, и он был усыновлен священником. Дед по матери, психолог, был тяжело обсессивной личностью, страдал множественными тиками, был склонен к «повторному мытью рук, затяжным размышлениям на одну тему, страху одиночества и кардиофобии». Бабушка – «возбудимая, взрывчатая личность, была публичным оратором, опубликовала несколько книг, увлечена пасьянсом, очень озабочена деньгами». Дядя по матери часто убегал из дома и школы, был военным моряком, а позже «блестяще вписался в коммерческую жизнь».

Мать оставила мужа через два месяца после рождения Альфреда. Ребенок жил с матерью и ее родителями. Дом был для него и яслями, и детским садом (усилиями матери), что создавало некоторые затруднения для ребенка. Альфред не видел отца до 3 лет и 4 месяцев, когда мать решила, что «он должен знать отца» и «предприняла шаги к тому, чтобы отец приходил повидаться с ребенком».

Войдя в кабинет, Альфред не обратил никакого внимания на обследующего. Он сразу облюбовал на полке с игрушками поезд, взял его и принялся медленно и монотонно сцеплять и расцеплять вагоны. Он много раз повторял: «Еще поезд – еще поезд – еще поезд», снова и снова «считал» окна вагонов: «Одно, два окна – одно, два окна – одно, два окна – четыре окна, восемь окон, восемь окон». Никакими способами его не удавалось отвлечь от поезда.

Тест Бине попробовали провести в комнате, в которой не было никаких поездов. Время от времени удавалось пробиться через его поглощенность. В конце концов он выполнил большинство требований в манере, ясно указывавшей на его сильное желание справиться; это повторялось с каждым пунктом задания, и в итоге его IQ оказался 140.

После первого визита мать не приводила его из-за «длительного дистресса от встречи с медиками». В августе 1938 г. она по нашей просьбе написала о его развитии. Приводим отрывок из ее письма: «Его зовут одиноким волком. Он предпочитает играть один и избегает игр в группе детей. Не обращает внимания на взрослых за исключением случаев, когда требует рассказывать ему сказки. Избегает соревнований. Сам читает простые сказки. Очень боится пораниться, много говорит об электрическом стуле. Впадает в панику, когда кто-нибудь случайно закроет его лицо.»

Альфреда снова направили к нам в июне 1941 г. Его родители решили жить вместе. До этого мальчик перебивал в 11 разных школах. Его часто держали в постели из-за простуд, бронхитов, ветрянки, стрептококковой инфекции, импетиго и неясно описываемого состояния, которое мать – диагнозы разных педиатров не совпадали – называла «ревматической лихорадкой».

Будучи в госпитале, он вел себя, как «маниакальный больной» (Мать любила называть себя психиатром и ставить ребенку «психиатрические» диагнозы). Из слов матери, представлявших собой сочетание обсессивного перечисления детализированных примеров и «объяснений», направленных на утверждение «нормальности» Альфреда, вырисовывалась следующая картина.

Он начал играть с детьми младше себя, «используя их, как игрушки – вот и все». Он был наполнен музыкой, театральными сценами, рассказами и обладал прекрасной механической памятью. Он все еще был «ужасно поглощен» в игре не хотел быть среди людей, просто не мог расслабиться:

У него масса страхов, почти всегда связанных с механическими шумами (мясорубка, пылесос, автомобили, поезда и т.д.). Вещи, которых он прежде боялся, обычно возбуждают его и вызывают навязчивый интерес к ним. Сейчас он боится громкого собачьего лая.

На протяжении всего обследования Альфред был крайне напряжен и очень серьезен – настолько, что если бы не его детский голос, он мог бы произвести впечатление озабоченного и чем-то поглощенного пожилого человека. В то же время, он был очень непоседлив, речь его была напориста – в ней не было ничего личного, и она состояла из навязчивых вопросов об окнах, тенях, темных комнатах, особенно о рентгеновском кабинете. Он никогда не улыбался. Его невозможно переключить с темы света и темноты на какую-нибудь другую тему. Но между всем этим он отвечал на вопросы обследующего, которые часто приходилось повторять и торговаться: «Ты ответишь на мои вопросы, а я – на твои». Его определения поражали детализацией. Воздушный шар «сделан из морщинистой резины, у него внутри воздух, а у некоторых газ, иногда они взлетают и иногда их можно держать, и когда в них дырка, они взрываются; если люди сдавливают их, они взрываются. Не так ли?». Тигр - это «предмет, животное, полосатый, как кошка, может царапаться, ест людей, дикий, живет иногда в джунглях и в лесах, больше в джунглях. Не так ли?». Вопрос «Не так ли?» требовал ответа – он на самом деле хотел быть уверен в достаточной полноте определения.

Он часто путал значение слов. На вопрос: «Эта картинка о чем?» ответил: «Люди двигаются о чем».

Однажды он остановился и спросил, очень растерянный, почему «Госпиталь Джона Гопкинса» написано на листах истории болезни: «Почему они должны говорить это?». Для него это было действительно важной проблемой, заставлявшей много думать и обсуждать. Поскольку истории взяты в госпитале, зачем было его название на каждом листе, если писавшие и так знали, где пишут? Обследующий, которого он хорошо помнил по визиту за шесть лет до этого, был для него не больше и не меньше, чем тот, кто должен отвечать на его навязчивые вопросы о свете и темноте.

Наблюдение 9.

Чарльз Н. Был доставлен на прием матерью 2 февраля 1943 г., когда ему было 4,5 г., с основной жалобой: «Главное, что меня беспокоит больше всего, это то, что я не могу достучаться до моего ребенка». Она предварила свой рассказ словами: «Я стараюсь оставить в стороне профессиональные знания, которые вмешивались в мои размышления до сегодняшнего дня».

В младенчестве мальчик был пассивным, «замедленным и флегматичным». Он мог просто лежать в кроватке с открытыми глазами. Он вел себя почти как под гипнозом. Выглядел сконцентрированным на чем-то одном, что делал в этот момент. Из-за подозрений на гипотиреозидизм ему был назначен тиреоидный экстракт, никак не повлиявший на его общее состояние.

Его удовольствие от музыки и тяга к ней подталкивали меня проигрывать пластинки. В полтора года он умел различать восемнадцать симфоний и узнавал композитора уже по первым звукам. Он мог сказать: «Бетховен». Примерно в том же возрасте он начал часами крутить игрушки и крышки от бутылок и банок. Проявлял большую ловкость рук в кручении цилиндров и, глядя как они крутятся, мог сильно возбудиться и подпрыгивать в экстазе. Сейчас его интересуют отражение света от зеркал и ловля зайчиков. Если ему что-то интересно, вы не можете изменить это. Если я входила в комнату, он не обращал на меня внимания и не узнавал меня ...

Самое поразительное – его отстраненность и недостижимость. Он ускользает, как если бы был в тени, живет в собственном мире, куда не проникнуть. Нет ощущения связи с людьми. У него был период цитирования другого человека; он никогда не проявляет себя. Весь его разговор - это реплика на что-то сказанное ему. О себе он говорил во втором лице, а сейчас иногда в третьем; он может сказать: «Он хочет» и никогда: «Я хочу».

Он деструктивен – мебель в его комнате похожа на обломки. Он ломает фиолетовый мелок на две части и говорит: «У тебя был прекрасный фиолетовый мелок, а сейчас два кусочка. Смотри, что ты наделал». У него развились навязчивости, связанные с фекалиями, он может прятать их, где угодно (например, в рейтузах) и, если я вошла в комнату, копирует меня: «Ты испачкал штаны – теперь у тебя не будет твоих мелков».

В итоге он еще не овладел навыками опрятности. Он никогда не пачкается в детском саду и делает это всегда лишь по приходе домой. То же с обмачиванием. Обмочившись, он гордится этим, прыгает в экстазе и говорит: «Смотри, какую большую лужу он наделал».

Будучи с людьми, он не смотрит на них. В прошлом июле у нас были люди. Когда Чарльз вошел, это было, как будто жеребенка из вольера выпустили. Он не обратил внимания на людей, но ощущал их присутствие. Он подражает голосам и поет, и некоторые люди не замечают у него никаких отклонений. В саду он никогда не входит в группу, уходит от детской толкотни за исключением групповых занятий; если это музыка, он выходит в первый ряд и поет.

У него замечательная словесная память и хороший запас слов за исключением местоимений. Он никогда не начинает разговор и говорит мало; много – только, когда предметы двигаются.

Чарльз – желанный и ожидавшийся ребенок, родился нормальными родами. Он сел в 6 месяцев и пошел незадолго до 15-ти – «просто в один прекрасный встал и пошел – без ползания до этого». Не болел ни одной из обычных детских болезней.

Чарльз – старший из трех детей. Отец закончил школу и торгует одеждой. Он описывается как «обязанный всем самому себе, добрый, невозмутимый и мирный человек». У матери «успешный опыт в бизнесе, у нее театральная касса в Нью-Йорке, она на редкость невозмутима». Ко времени появления Чарльза в клинике его братьям было 28 и 14 месяцев. Бабушка по матери, «очень подвижная, энергичная, гиперактивная, почти гипоманиакальная», немного писала и сочиняла музыку. Тетя по матери, «психоневротичная, очень яркая, впадающая в истерики» – автор стихов и песен. Другая тетка была отрекомендована как «семейная амазонка». Дядя по матери, психиатр, изрядно одарен музыкально. Родственники отца описываются как «обычные, простые люди».

Чарльз – хорошо развитый, физически здоровый, выглядящий умным мальчик. Он носит очки. Войдя в кабинет, не обратил ни малейшего внимания на людей (три врача, его мать и дядя). Ни на кого не глядя, сказал: «Дайте мне карандаш!», взял лист бумаги со стола и написал нечто напоминающее цифру 2 (большой настольный календарь ясно показывал цифру 2 – было второе февраля). Он захватил с собой экземпляр Readers Digest⁴ и был зачарован изображением малыша. Он бесконечное число раз сказал: «Посмотри на забавного малыша», временами добавляя: «Разве не забавный? Разве не милый?»

Когда у него забирали книгу, он боролся с держащей книгу рукой, не глядя на самого человека. Когда его укололи булавкой, он произнес: «Что это?» и сам ответил на свой вопрос: «Это иголка».

Он испуганно смотрел на иглу, уклонялся от новых уколов, но ни разу не связал уколы с державшим булавку человеком. Когда журнал у него все-таки забрали, бросили на пол и наступили на него, он пытался вытащить его из-под ноги так, будто нога тоже была отдельной мешающей вещью, опять не обращая внимания на человека, которому нога принадлежала. Один раз он повернулся к матери и сказал раздраженно: «Я тебя накажу!».

Оказавшись перед доской Сегена, он интересовался в основном названиями форм, прежде чем поместить их в соответствующие гнезда. Он часто крутил формы и возбужденно прыгал, пока они крутились. Его действия в целом были очень однообразными. Он никогда не использовал язык как средство общения с людьми. Он помнил названия – такие, как «восьмиугольник», «ромб», «продолговатый кубик», но, тем не менее, постоянно спрашивал: «Что это?».

Он не отвечал, когда его звали, и не смотрел на мать, когда она говорила с ним. Когда кубики убрали, он плакал, топал ногами и кричал: «Я дам их тебе!» (обозначавшее: «Дай их мне»). Его движения были очень умелы. Чарльз был помещен в школу Devereux.

Наблюдение 10.

Джона Ф. мы впервые видели 13 февраля 1940 г., когда ему было 2 г. и 4 месяца.

Его отец сказал: «Главное, что меня беспокоит, это трудности кормления. Это самое главное, а во-вторых, он медленно развивается. В первые дни жизни он плохо брал грудь. После 15-го дня его стали кормить из рожка, но и рожок он не брал как следует. Это долгая история попыток протолкнуть в него пищу. Мы пробовали все на свете. Он всегда был недозрелым. К 20 месяцам он впервые начал ходить. Сосет большой палец, довольно часто скрежещет зубами и перед сном раскачивается из стороны в сторону. Если ему не дать то, что он хочет, он будет кричать и визжать».

Джон родился 19 сентября 1937 г. с весом 7,5 фунтов (3 кг 400 г). Из-за нарушений питания часто бывал в больнице. У него не было никаких физических нарушений за исключением не закрывавшегося до 2,5 лет переднего родничка. Он страдал простудами и воспалением среднего уха, обусловившим двустороннюю тимпанотомию.

До февраля 1943 г. Джон был единственным ребенком. Его отец, психиатр, «очень спокойный, тихий, эмоционально стабильный человек, семейный миротворец».

Мать закончила школу, до брака работала секретаршей в медицинской лаборатории – «гипоманиакальная личность, видит все скорее как образчики патологии, чем в положительном свете; в течение беременности была очень тревожна, боялась, что не выживет в родах». Бабушка по матери «обсессивна в вопросах религии и моет руки каждые несколько минут». Дед по матери был бухгалтером.

Джон пришел с обоими родителями. Он постоянно и бесцельно бродил по кабинету. Если не считать спонтанного рисования каракулей, никогда не соотносил предметы друг с другом. Он не реагировал на простейшие просьбы, за исключением с трудом вытянутых из него родителями пока, ладошки и неуклюжих движений ку-ку5. Его типичное отношение к вещам – бросать их на пол.

Спустя три месяца его запас слов значительно вырос, хотя артикуляция была плохой. Родители рассказали о легких обсессивных тенденциях вроде выбрасывания первой полной ложки каждого блюда. Передвижения по кабинету были чуть более целенаправленными.

К концу четвертого года он был способен к очень бедному эмоциональному контакту, но и тот – лишь с немногими людьми. Если такие отношения устанавливались, то они продолжались потом в точно той же манере. Он был способен складывать законченные и грамматически верные фразы, но по отношению к себе использовал местоимения второго лица. Он пользовался языком не как средством общения, но в основном в виде повторения слышанного без смены личных местоимений. Отмечалась выраженная обсессивность. Он должен был ригидно следовать дневной рутине; любые мельчайшие изменения привычного порядка приводили к вспышке паники. Он бесконечно повторял фразы. У него была блестящая механическая память, и он мог воспроизвести многие молитвы, детские стишки и песни «на разных языках»; мать очень старалась вложить в него как можно больше и очень гордилась этими его «достижениями»: «Он может по цвету сказать, что это за пластинка (патефонная – В.К.), и если он узнает одну сторону пластинки, то вспоминает, что на другой».

К 4,5 г. он постепенно начал правильно пользоваться местоимениями. При прямом интересе только к предметам, он изо всех сил старался привлечь внимание обследующего (д-р Хильда Брук – Hilde Bruch) и получить ее похвалу. Однако он никогда не обращался к ней прямо и спонтанно. Он хотел быть уверенным в неизменности окружения, буквально держа окна и двери закрытыми. Когда мать открыла дверь, «чтобы прорваться сквозь его обсессии», он силой закрыл ее и потом, когда ему снова помешали, чрезвычайно расстроился и разразился беспомощным плачем.

Он крайне огорчился при виде чего-нибудь сломанного и неполного. Он заметил двух кукол, на которых раньше не обращал внимания, и, увидев, что одна из них без шляпы, очень возбудился и бродил по кабинету в поисках шляпы. Когда шляпу принесли из другого кабинета, тотчас же утратил интерес к куклам.

К 5,5 г. хорошо пользовался местоимениями и начал вполне неплохо есть самостоятельно. Увидев набор фотографий в кабинете, спросил у отца: «Когда они выйдут из картинки и придут сюда?»

При этом он был очень серьезен. Отец сказал что-то о висящих дома на стене

картинах. Джон весьма разволновался и поправил отца: «У нас они около стены» (очевидно, «на» означало для него «сверху» или «наверху»).

Увидев цент, сказал: «Цент. Это где ты играешь в кегли». Когда он играл с отцом в кегли, тот давал ему цент за каждую сбитую кеглю.

Увидев словарь, сказал отцу: «Это, где ты оставил деньги». Однажды отец оставил деньги в словаре и попросил Джона сказать об этом матери.

Отец насвистел мелодию, и Джон сразу и верно узнал ее – «Скрипичный концерт Мендельсона». Хотя он мог говорить о вещах, как о больших и маленьких, он почти не способен сравнивать («Какая линия больше? Какое лицо меньше?» и т. д.).

В декабре 1942 и январе 1943 г.г. у него было два приступа преимущественно правосторонних судорог с отведением глаз вправо и преходящим парезом правой руки. Неврологическое обследование отклонений не выявило. Глазное дно было нормальным. Электроэнцефалограмма выявила «фокальные нарушения в левой затылочной области», но «большую часть энцефалограммы было невозможно прочесть из-за постоянных артефактов, обязанных недостаточному сотрудничеству ребенка».

Наблюдение 11.

Илану К., 7 лет и 2 мес., 12 апреля 1939 г. на прием привели родители из-за ее «необычного развития»: «Она не приспосабливается. Она живет в мире абстракций и не понимает игр других детей, не интересуется читаемыми ей рассказами, бродит в стороне и гуляет сама по себе, особо нежна к разным животным и иногда подражает им, передвигаясь на четвереньках и издавая странные звуки».

Илана родилась 3 февраля 1932 г. срочными родами. Она выглядела здоровой, хорошо сосала, встала в 7 месяцев и пошла незадолго до того, как ей исполнился год. К концу первого года она говорила четыре слова, но в следующие четыре ее речь не развивалась. У нее подозревали глухоту, но этот диагноз был исключен. Поскольку в 13 месяцев она перенесла какое-то заболевание с температурой, нарастающие трудности ее поведения интерпретировались как возможное постэнцефалитическое расстройство. Другие обвиняли мать в сверхзаботе. Ставили также диагноз слабоумия. До 18 месяцев ей давали питуитарные (передней доли гипофиза) и тиреоидные препараты.

«Некоторые врачи» поражались ее умному личику, «хотя она была обычным ребенком, и говорили, что она перерастет это».

В 2 г. ее отдали в детский сад, где «она была сама по себе и не делала того, что другие дети. Она, например, выпила воду и съела цветок, когда их учили ухаживать за цветами». У нее рано пробудился интерес к животным. Вообще непоседливая, она могла часами рассматривать картинки с животными, «особенно гравюры».

Когда около 5 лет она начала говорить, это были законченные, хотя и простые, «механические фразы», не относящиеся к происходящему или представлявшие собой особые метафоры. У нее был прекрасный запас слов, она, в частности, знала названия и «классификации» животных. Она не умела правильно употреблять местоимения, но множественное число и времена использовала хорошо. Она «не пользовалась отрицанием, но узнавала его в речи других».

В ее отношении к происходящему было много особенностей: Умеет механически считать. Может накрыть стол для нужного количества людей, если ей сказать их имена или перечислить как-то иначе, но не может накрыть стол «на троих». Если послать ее в определенное место за определенным предметом, она не может принести его, если он не там, но виден.

Она «пугалась» шумов и всего, что двигалось к ней, настолько боялась пылесоса, что даже не могла ходить около стенного шкафа, где он хранился, а когда им пользовались, убегала в гараж, закрывая руками уши.

Илана была старшей из двух детей. Ее 36-летний отец изучавший законодательство и свободные искусства в трех университетах (включая Сорбонну) и писавший рекламные тексты, «один из тех хронически ослабленных людей, чья нервная энергия легко истощается». Одно время он был редактором журнала. Матери 32 года, она «выдержанный, спокойный, рассудочный человек», до брака работала редактором в одном из журналов. Дед по матери был редактором газеты, а бабушка отличалась «эмоциональной нестабильностью».

Когда Илане было около 7 лет, ее обследовал психолог в Бостоне. Среди прочего он отмечал: Ее отношение к обследующему было неопределенным и отстраненным. Даже недовольная ограничениями, она могла с криком энергично оттолкнуть стол или удерживающую ее руку, но не обращалась за помощью или сочувствием. В хорошие моменты она умело обходилась с мелкими или складывала разрезные изображения животных. Она могла назвать множество животных, включая слонов, аллигаторов и динозавров. Речь представляла собой простые фразы, но на прямые вопросы девочка отвечала редко. Играя, она вновь и вновь повторяла фразы, не относящиеся к ситуации.

Здоровье ребенка было хорошим, электроэнцефалограмма – нормальной. При обследовании в апреле 1939 г. она по просьбе пожала руку врачу, не глядя на него, потом побежала к окну и выглянула наружу. Она автоматически последовала приглашению сестры. Ее реакцией на вопросы после нескольких повторений было эхологическое воспроизведение вопроса, а если он был слишком длинным, его последней части. Не было никакого реального контакта с людьми в кабинете. Выражение лица было пустым, хотя и неглупым, не отмечалось никаких коммуникативных жестов. Однажды, не меняя выражения лица, она вдруг сказала: «Рыбы не кричат». Спустя какое-то время, она поднялась и вышла из кабинета без вопросов или видимого страха.

Ее поместили в диагностический центр в Мериленде, где в течение трех недель ее наблюдали д-ра Юджиния Камерон (Eugenia Cameron) и Джордж Франкл (George Frankl). Там она быстро выучила имена всех детей, знала цвет глаз каждого, кровать, на которой каждый спал, и много других вещей о них, но никогда не вступала ни в какие отношения с ними. Взятая на игровую площадку, была очень огорчена и убежала к себе в комнату. Была очень беспокойна, но когда ей разрешали рассматривать картинки, одной играть с кубиками, рисовать или нанизывать бусы, могла занимать себя часами. Любой шум, любые помехи выводили ее из равновесия. Однажды, сидя в туалете, она услышала стук в трубах – несколькими днями спустя, даже сидя на горшке в своей комнате, она не могла сходить, тревожно прислушиваясь, нет ли шума. Она часто выстреливала стереотипные фразы типа «Динозавры не плачут», «Рак, акулы, рыба и камни», «Раки и вилки живут в детских животиках», «Бабочки живут у детей в желудках и

в штанах тоже», «У рыбы акулы зубы, и она кусает маленьких детей», «Война в небесах», «Камни и утесы, я убью» (хватая одеяло и ударяя им по кровати), «Горгульби кусают детей и пьют масло», «Я раздавлю старого углового червя, он кусает детей» (скрежеща зубами и бегая вокруг, очень возбужденно), « У горгулий есть молочные сумки», «Головка иголки. Фиолетовые пи-пи. Имеет желтую ногу. Разрезание мертвого оленя. Отравленный олень. Бедная Илана. Никаких головастика в доме. Люди сломали оленью ногу (разрезая изображение оленя из книжки), «Тигры и кошки», «Тюлени и саламандры», «Медведи и лисы».

Несколько выдержек из наблюдений:

Ее язык всегда одинаков. Речь никогда не сопровождается мимикой и жестами. Она не смотрит в лицо. Голос странно немодулированный, что-то вроде хрипа; слова произносит отрывисто. Высказывания безличны. Никогда не использует личные местоимения первого и второго лица правильно. Кажется, что не понимает значения этих слов.

Язык очень негибок. Использует предложения так, как слышала их, не меняя грамматическую форму применительно к ситуации. Говоря: «Хочешь, чтобы я нарисовала паука», она имеет в виду: «Я хочу, чтобы ты нарисовала паука».

Речь редко бывает коммуникативной. Она не вступает в отношения с детьми, никогда не говорит, не бывает дружественной и не играет с ними. Ходит между ними, как чуждое существо, как будто между предметами мебели.

Всегда настойчива в повторении привычного. Помехи в следовании привычному – одна из наиболее частых причин ее взрывов. Ее собственные действия просты и стереотипны. Она может часами пребывать в какой-то полудреме и выглядеть счастливой. Склонна к ритмическим движениям, которые всегда носят мастурбаторный характер. Мастурбация случается чаще, когда она возбуждена, чем в периоды спокойной удовлетворенности... Движения быстрые и ловкие.

Илану отдали в частную школу в Пенсильвании. В последнем письме отец сообщает о «весьма удивительных изменениях»:

Она высокая раскосая девочка с ясными глазами, которые удлиннились с тех пор, как исчезли периодически появлявшиеся во время, когда вы видели ей, признаки дикости во взгляде. Она говорит почти на любые темы, хотя с остатками случайного интонирования. Ее разговоры - это еще говорение взхлеб, часто с занимательной точкой зрения, и редки, тщательно продуманы и подготовлены. Она читает очень хорошо, но быстро, с недостаточно ясным произношением, зажевывая слова и не делая смысловых ударений. Круг ее знаний очень широк, а память почти безошибочна. Очевидно, что она не «нормальна». Любая неудача приводит ее к чувству тупика, отчаяния и мгновенному впадению в депрессию.

Обсуждение

Одиннадцать детей (восемь мальчиков и три девочки), чьи истории были вкратце представлены, обнаруживали, как того и следовало ожидать, индивидуальные различия тяжести нарушений, проявлений специфических признаков, семейных особенностей и хода развития. Но даже короткий обзор представленного материала делает несомненным наличие у них многих существенных общих характеристик. Эти характеристики образуют уникальный ранее не описанный «синдром», который кажется довольно редким, хотя, вероятно, встречается чаще, чем о том может сказать немногочисленность наших наблюдений. Вполне возможно, что

таких детей рассматривают, как слабоумных или шизофреников. Действительно, несколько наблюдавшихся детей были представлены нам как идиоты или имбецилы, один находится в школе для умственно отсталых, и двоим раньше ставили диагноз шизофрении.

Выступающее на первый план, «патогномоничное», главное расстройство у них – неспособность вступить в обычные отношения с людьми и ситуациями, проявляющаяся с начала жизни. Родители говорили, что они «автономны», «живут в раковине», «счастливее всего, когда их оставляют в покое», «ведут себя так, будто вокруг нет людей», «не обращают внимания ни на что вокруг», «производят впечатление немой мудрости», «не могут выйти на должный уровень социальной осведомленности», «ведут себя почти как загипнотизированные». Это не отказ, как у детей и взрослых с шизофренией, от уже установившихся отношений и не отход от уже существующего участия в жизни. Здесь с самого начала существует крайнее аутистическое одиночество, которое всегда, когда это возможно, игнорирует, не замечает, не допускает все приходящее к ребенку извне. Прямой физический контакт, намерение такого контакта или шум, угрожающие нарушить одиночество, либо отвергаются, «как если бы их не существовало», либо, если это не удастся, воспринимаются болезненно, как вызывающее стресс вторжение.

По Гезеллу, средний младенец к 4 месяцам проявляет опережающие приспособительные реакции в виде мимического напряжения и напряжения плеч, когда его берут со стола или кладут на стол. Гезелл замечает: «Вероятно, менее очевидные признаки такого приспособления можно наблюдать уже у новорожденных. Хотя это может быть обусловлено опытом, возможность такого опыта почти универсальна, и такая реакция достаточно объективна, чтобы заслуживать дальнейшего наблюдения и регистрации».

Этот универсальный опыт обеспечивается частотой, с которой мать и другие люди берут ребенка на руки. Поэтому имеет большое значение, что почти все матери наших пациентов вспоминали о недоумении по поводу того, что дети не принимали позу готовности при попытках взять их на руки.

Один отец вспоминал, что дочь годами ни выражением лица, ни позой никак не реагировала, когда родители возвращались домой после нескольких часов отсутствия, подходили к кроватке, разговаривая с девочкой и протягивая руки, чтобы взять ее.

Средний младенец в течение первых нескольких месяцев научается приспособлять тело к позе взявшего его на руки взрослого. Наши дети не умели это делать до двух-трех лет. У нас была возможность наблюдать 38-месячного Герберта в такой ситуации. Мать понятными для него словами говорила ему, что собирается взять его на руки, и протягивала к нему руки. Он не реагировал. Она брала его, он позволял ей делать это, оставаясь совершенно пассивным, как мешок с мукой. Приспособлялась мать к нему (а не он к ней). Все это происходило, когда он уже мог самостоятельно сидеть, стоять и ходить.

Восемь из одиннадцати детей начали говорить в срок или с небольшой задержкой. Остальные трое не говорят до сих пор. Ни один из восьми «говорящих» детей не пользовался языком для передачи смыслов. У всех, кроме одного, было ясное произношение. Называние предметов не представляло никаких трудностей, даже длинные и необычные слова разучивались и запоминались с поразительной легкостью. Почти все родители, обычно с большой гордостью, сообщали, что уже в

раннем возрасте дети знали множество детских стишков, молитв, названий животных, список президентов, алфавит в обычном и обратном порядке и даже колыбельные песни на иностранных языках. Если не считать декламации фраз из простеньких стишков или других запомнившихся отрывков, требовалось много времени для того, чтобы ребенок начал составлять слова вместе. Во всех других случаях «язык» состоял в основном из «называний», из обозначающих вещи существительных, обозначающих цвета прилагательных и ни к чему не относящихся чисел.

Великолепная механическая память этих детей в сочетании с неспособностью пользоваться языком иначе побуждала родителей давать детям все больше и больше стихов, зоологических и ботанических названий, названий и имен композиторов с грампластинок и т.п. Так, с самого начала язык, не используемый детьми для общения, в значительной мере отклонялся в сторону автономности, утраты семантической и разговорной ценности или весьма односторонних упражнений памяти. В исполнении двух-трехлетних детей все эти слова, числа и стихи («вопросы и ответы пресвитерианского катехизиса», «скрипичный концерт Мендельсона», «двадцать третий псалом», слова французской колыбельной, содержание энциклопедического предметного указателя) производили на родителей впечатление не большей осмысленности, чем набор бессмысленных звуков. Но так же трудно себе представить, чтобы это серьезно не вмешивалось в развитие речи как средства передачи и приема осмысленных сообщений.

Из-за нарушений коммуникативной функции речи восемь говорящих и трое неговорящих детей по существу не отличались друг от друга. Няня Ричарда лишь один раз услышала от него отчетливо произнесенное «Спокойной ночи». Обоснованный скептицизм по поводу этого наблюдения развеялся, когда этот «немой» ребенок в ответ на просьбу сделать что-то стал шевелить губами, молча повторяя услышанное. «Немая» Вирджиния, как рассказывали ее соседи по комнате, повторяла слова «шоколад», «пастила», «мама», «малыш». Когда фразы наконец формируются, они долгое время представляют собой в основном попугайное повторение слышанных комбинаций слов. Иногда они повторяются немедленно, но часто ребенок «сохраняет» их и произносит позже. Если угодно, это можно назвать отставленной эхоталией. Утверждение выражается буквальным повторением вопроса. На освоение понятия «Да» у детей уходит много лет. Они неспособны использовать «Да» как общий символ согласия. Дональд научился говорить «Да», когда отец сказал ему, что посадит его к себе на плечи, если он скажет «Да». Это слово затем стало обозначать только желание мальчика оказаться на плечах у отца. Прошло много месяцев, прежде чем он сумел отделить слово «Да» от этой ситуации, и еще больше, прежде чем он смог использовать «Да» в знак согласия.

Такая же буквальность обнаруживается в использовании предлогов. Альфред на вопрос: «What is this picture about?» ответил: «People are moving about» (буквально: «О чем эта картинка? – Люди двигаются о чем»). Джон Ф. поправил отца, сказавшего о картинах на стене – картины около стены. Когда Дональда Т. попросили опустить что-то вниз, он просто положил это на пол. Видимо, значение слова становится негибким и слово не может соотноситься ни с каким другим содержанием, кроме исходного.

С использованием множественного числа и времен трудностей не было. Но отсутствие спонтанной фразовой речи и эхоталическое воспроизведение у всех

восьми говорящих детей приводили к особому грамматическому феномену. Личные местоимения повторялись так, как они были услышаны, без попыток приспособления к меняющейся ситуации. Так, ребенок, однажды услышавший от матери: «Сейчас я дам тебе молоко», использует эти слова, чтобы попросить молоко. О себе он говорит «Ты», а другого человека называет «Я». Удерживаются не только слова, но и интонации. Если замечание матери было сделано в форме вопроса, оно будет воспроизведено в вопросительной грамматической и интонационной форме. Повторение «Ты готов к десерту?» означает, что ребенок готов. Это готовый набор, не подлежащая изменению фраза для каждого специального случая. Фиксированное использование местоимений сохраняется примерно до 6 лет, когда ребенок постепенно научается говорить о себе в первом лице, а о собеседнике – во втором. В этот переходный период он может возвращаться к более ранним формам или говорить о себе в третьем лице.

Тот факт, что дети эхολалируют услышанное, не означает, что их внимание привлечено к обращенной к ним речи. Часто требуется повторить вопрос или команду много раз, прежде чем последует эхολалическая реакция. Не менее семи детей были поэтому признаны глухими или имеющими серьезные нарушения слуха. Это мощная потребность оставаться непотревоженным. Все приходящее к ребенку извне, все изменяющее его окружающий и даже внутренний мир представляется ему вызывающим ужас вторжением.

Первым таким вторжением становится вскармливание. Дэвид Леви (David Levy) наблюдал, что эмоционально голодные дети после помещения в приюты, где с ними хорошо обращались, нуждались в большом количестве пищи. Хильда Брук (Hilde Bruch), изучая ожирение у детей, нашла, что переедание часто является результатом недостаточной эмоциональности со стороны родителей. Наши же пациенты, наоборот, проявляли отказом от пищи тревогу перед окружающим миром и стремление ухода от него. Дональд, Пол («рвоты в течение первого года жизни»), Барбара («пришлось кормить через зонд до года»), Герберт, Альфред и Джон обнаруживали серьезные трудности вскармливания с начала жизни. Многие из них после безуспешной борьбы в конце концов начинали есть удовлетворительно.

Другое вторжение исходит от громких звуков и движущихся предметов, на которые ребенок реагирует ужасом. Велосипеды, качели, лифты, пылесосы, текущая вода, газовые горелки, механические игрушки, взбивалки для яиц, даже ветер могут вызывать панику. Один из детей боялся даже подходить к стенному шкафу, где хранился пылесос. Инъекции и обследования с использованием стетоскопа или отоскопа приводили к эмоциональному кризу. Страшны, однако, не сами по себе шум или движение. К нарушениям приводят звуки или движения, воспринимающиеся детьми как вторжение в их уединение. Ребенок может быть счастлив, если сам производит такие звуки или играет с движущимися предметами.

Но и звуки, и движения, и все, что делают дети, является таким же монотонным повторением, как их речь. Спонтанная активность значительно ограничена. Поведение управляется тревожно-обсессивным стремлением поддержания тождества, которое изредка может нарушить только сам ребенок и никто более. Изменения обычного порядка, перестановки мебели, отклонения от привычного уклада жизни и хода ежедневных событий могут приводить ребенка в отчаяние. Когда родители Джона приготовились к переезду в новый дом, он впал в ярость при виде грузчика, скатывавшего ковер в комнате. Он был очень огорчен до тех

пор, пока не увидел в новом доме расставленную, как прежде, мебель, – он был доволен, его тревога мгновенно прошла, и он ходил, нежно ощупывая каждую вещь. Если однажды кубики, шарики, палочки были собраны в определенном порядке, то и потом они собирались в том же порядке, даже если в нем не было какой-либо закономерности. В этом отношении память детей была феноменальной. Даже по прошествии нескольких дней множество кубиков могло быть собрано в точно том же порядке, лишенном какой-либо явной организованности, – тот же цвет на грани каждого кубика, та же картинка или буква были обращены в ту же сторону, что и при первой раскладке. Отсутствие кубика или присутствие лишнего замечалось немедленно и сопровождалось императивной потребностью в восстановлении. Если кто-то убирал кубик, ребенок боролся за его возвращение, впадая в паническое возбуждение до тех, пока кубик не возвращали, а по возвращении быстро и неожиданно спокойно возвращался к игре.

Нескольких детей эта настойчивая потребность в тождестве приводила к выраженному беспокойству, когда что-то ломалось или было неполным. Большая часть дня проходила в требованиях тождества не только слов какой-нибудь просьбы, но и последовательности действий. Дональд не мог покинуть кровать после дневного сна, не сказав: «Бу, скажи: ‘Дон, ты хочешь встать?’» и не добившись от матери этих слов. Но это еще не все. Дональд продолжал: “Сейчас скажи: ‘Хорошо’». И мать должна была сказать, иначе он кричал, пока она не завершит действие. Каждый элемент этого ритуала был обязательной частью вставания после дневного сна. Все другие действия должны были выполняться от начала до конца в том же порядке, в каком это было первый раз. Невозможно было вернуться с прогулки другим маршрутом. Вид сломанной поперечины на гаражной двери настолько волновал Чарльза, что он говорил и спрашивал об этом изо дня в день неделями, даже оказавшись на несколько дней в другом городе. Девочка заметила щель на потолке офиса и долго тревожно спрашивала, кто сломал потолок, не успокаиваясь при ответах. Другой ребенок, видя одну куклу в шляпе, а другую без, не мог успокоиться до тех пор, пока не нашли вторую шляпу и не водрузили ее кукле на голову, после чего он тут же утратил интерес к куклам – тождество и порядок были восстановлены, вот и хорошо.

Страх изменений и незавершенности представляется основным объяснением монотонных повторяющихся действий и ограничений разнообразия спонтанной активности. Ситуация, действие, предложение не признаются завершенными, если они не воспроизводят в точности то, что было при первой встрече ребенка с ними. При изменении или удалении даже мелочи целостная ситуация не является той же и не принимается в качестве таковой, вызывает нетерпеливый протест или даже глубокую фрустрацию. Эта неспособность оперировать целостностью без пристального внимания к составляющим его частям напоминает состояние детей с расстройствами чтения, которые не воспринимают современную систему конфигурационного чтения, но должны обучаться составлению слов из букв. Возможно, это одна из причин того, что наблюдавшиеся нами дети, которые по возрасту могли быстро обучиться читать, были поглощены орфографией, как, например, Дональд, которого очень взволновал тот факт, что light и bite так похожи фонетически при столь разном написании.

Вещи, не меняющие своего вида и положения, сохраняющие свое тождество и никогда не угрожающие одиночеству, легко принимаются аутичным ребенком – он хорошо и с интересом относится к ним, может с удовольствием играть с ними часами. Он может любить их или сердиться на них, например, когда не может

поместить их в определенное пространство. Когда он с ними, он испытывает приятное чувство безусловной власти и контроля. Дональд и Чарльз начали на втором году жизни использовать эту власть, вращая все, что можно, и подпрыгивая в экстазе, глядя на крутящиеся предметы. Фредерик «подпрыгивал в великом ликования», когда он играл в кегельбан и видел падающие кегли. Дети чувствовали и использовали ту же власть по отношению к своему телу, крутясь и совершая другие ритмические движения.

Отношение к людям довольно различно. Каждый из детей, входя в кабинет, немедленно направлялся к кубикам, игрушкам или другим вещам, не обращая ни малейшего внимания на присутствующих людей. Было бы ошибкой сказать, что они не осознавали их присутствия. Но люди, если они оставляли ребенка в покое, воспринимались примерно так же, как стол, шкаф или другая мебель. Когда к ребенку обращались, он не реагировал. У него был выбор – не отвечать вообще или, если вопрос настойчиво повторялся, «переступить через него» и продолжать свое занятие. Они, казалось, не замечали прихода и ухода – даже матери. Разговоры в комнате не вызывали интереса. Если взрослые не пытались вторгаться в пространство ребенка, он мог временами, двигаясь между ними, мягко дотронуться до чьих-нибудь руки или колена, как в других случаях похлопать по кушетке. Но он никогда не смотрел другому в лицо. Если взрослый вторгнулся силой, перегораживая путь к предмету, ребенок сопротивлялся и злился на руку или ногу, как на самостоятельные существа, а не часть другого человека. Он никогда не обращался к хозяину руки или ноги и не смотрел на него. Достигая желаемого, ребенок мгновенно успокаивался, а при уколе у него возникал страх перед булавкой, но не колющим его человеком.

Отношение к домашним и другим детям не отличается от отношения к людям в кабинете. В поведении преобладает глубокое одиночество. Отец, мать или оба они могли отсутствовать часами и месяцами, но при возвращении ребенок не обнаруживал никаких признаков того, что заметил их отсутствие. После множества вспышек фрустрации он постепенно и неохотно научается соглашаться, если не может ничего больше поделать, подчиняется определенным распоряжениям, выполняет какие-то ежедневные обязанности, но всегда отстаивает неизменность своих ритуалов. Находясь среди людей, ребенок передвигается между ними «как чужак» или, по выражению одной из матерей, «как выпущенный из вольера жеребенок». Будучи с детьми, ребенок не играет с ними. Он играет один, не вступая в телесный, зрительный или вербальный контакт с ними. Он не участвует в соревновательных играх. Он просто присутствует и, если иногда и забредет на периферию группы, быстренько удалится и снова будет один. В то же время он быстро узнает имена других детей в группе, может знать цвет волос и другие детали облика каждого.

Отношения с изображениями людей значительно лучше отношений с людьми. Картинки как-никак не могут вмешиваться в жизнь. Чарльз симпатизировал изображению ребенка в журнальной рекламе и много говорил о его привлекательности и красоте. Илана была заворожена изображениями животных, но в жизни даже приблизиться к ним не могла. Джон попросту не различал живых и нарисованных людей. Видя групповое фото, он совершенно серьезно спрашивал, когда люди сойдут с фотографии в комнату.

Хотя большинство детей временами выглядело слабоумным, у них бесспорно хороший когнитивный потенциал. Их лица поразительно умны: производят

впечатление погруженности в раздумья и – в присутствии других – тревожного напряжения, возможно, из-за беспокойства по поводу ожидаемого вмешательства. Когда они наедине с предметами, на лице безмятежная улыбка и выражение блаженства, иногда сопровождаемые удовольствием от монотонного мычания и пения. Поразительный словарь говорящих детей, прекрасная память на события даже нескольких лет давности, феноменальная механическая память на стихи и имена вместе с педантичным воспроизведением сложных паттернов и последовательностей указывают на хороший интеллект в том смысле, в каком это слово обычно употребляется. Тест Бине и другие не могут быть проведены из-за ограниченной доступности. Но все дети успешны в работе с досками Сегена.

Физически дети по существу нормальны. У пяти обнаружено относительное увеличение головы. Несколько детей были неловки в игре и крупной моторике, но у всех была хорошая тонкая моторика. ЭЭГ была нормальной у всех за исключением Джона, у которого передний родничок не зарастал до 2,5 лет и у которого в 5,5 лет были два приступа преимущественно правосторонних судорог. У Фредерика были лишние соски в левой подмышечной впадине. Никаких других признаков врожденных аномалий не было выявлено.

Есть одна интересная общая черта в происхождении этих детей. Все они происходят из высокоинтеллектуальных семей. Четверо отцов психиатры, один – замечательный адвокат, один – закончивший юридическую школу химик, работающий в правительственном патентном управлении, один – специалист по болезням растений, один – профессор лесоводства, один – рекламный писатель, имеющий юридическую степень и учившийся в трех университетах, один – горный инженер и один – успешный бизнесмен. Девять из одиннадцати матерей закончили колледж. Из двух со школьным образованием одна была секретарем в лаборатории патологии, а вторая открыла перед замужеством театральную кассу в Нью-Йорке. Среди других были журналистка, врач, психолог, медицинская сестра, мать Фредерика была успешным агентом по закупкам, директором секретарских курсов в женской школе и учителем истории. Среди прародителей и родственников много врачей, ученых, писателей, журналистов, людей искусства. Все семьи, кроме трех, представлены в «Кто есть кто в Америке» или в «Американские ученые», либо там и там.

Двое детей – евреи, все остальные англо-саксонского происхождения. Трое – единственные дети, пятеро – первые из двух детей в семье, один – старший из трех детей, один – младший из двух, и один – младший из трех.

Комментарий

Сочетание крайнего аутизма, навязчивостей, стереотипий и эхололий ставит общую картину в связь с некоторыми основными шизофреническими симптомами. Некоторым детям действительно ставили такой диагноз. Но, несмотря на заметные черты сходства, состояние во многих отношениях отличается от всех известных случаев детской шизофрении.

Во-первых, даже в случаях самого раннего начала шизофрении, включая сюда *dementia praecocissima* Де Санктиса и *dementia infantilis* Геллера, первым проявлениям предшествовали по крайней мере два года по существу обычного развития, а истории болезни специально подчеркивают более или менее постепенные изменения поведения. Наблюдавшиеся нами дети проявляли крайнее одиночество с самого начала жизни, не реагируя ни на что приходящее из внешнего мира. Наиболее характерные проявления этого – отсутствие позы

готовности при взятии на руки и приспособления к позе держащего их на руках человека.

Во-вторых, наши дети способны устанавливать и поддерживать прекрасные, целенаправленные и разумные отношения с объектами, не угрожающими вторжением в их одиночество, но с самого начала тревожно и напряженно невосприимчивы к людям и долгое время не вступают с ними ни в какой эмоциональный контакт. Если все-таки неизбежно приходится иметь дело с другим человеком, устанавливаются временные отношения с его рукой или ногой так, как будто они существуют сами по себе, отдельно от человека. Все действия и высказывания ригидно и упорно управляются властным желанием одиночества и тождества. Мир, должно быть, представляется им как набор элементов всегда в одних и тех же порядке и последовательности, и они не переносят их изменений, отсутствия элементов, нарушений пространственного или хронологического порядка. Отсюда навязчивые повторения. Отсюда повторение фраз без соответствующего изменения местоимений. Отсюда, вероятно, и развитие действительно феноменальной памяти, дающей ребенку возможность точно запоминать и воспроизводить сложные бессмысленные паттерны вне зависимости от степени их дезорганизованности.

Пятеро из наших детей сейчас достигли возраста 9-11 лет. За исключением Вивиан, помещенной в школу для умственно отсталых, они обнаруживают очень интересную динамику. Их стремление к одиночеству и поддержанию тождества остается неизменным. Но степень одиночества изменяется, они начинают принимать по крайней мере некоторых из окружающих их людей. Существенное расширение речевого репертуара опровергает прежнее впечатление крайней ограниченности содержания мышления. Это можно выразить так: тогда как шизофреник пытается разрешить проблему через уход от мира, частью которого он был и с которым состоял в контакте, наши дети постепенно идут на компромисс, протягивая щупальца все дальше и дальше в мир, в котором они изначально были полными чужаками. Между пятью и шестью годами они постепенно отходят от эхолалии и спонтанно научаются правильному использованию местоимений. Язык становится более коммуникативным – прежде всего в смысле вопросов-ответов, а затем в смысле возрастания спонтанной фразовой речи. Питание перестает доставлять трудности. Шумы и движения переносятся лучше, чем прежде. Затихают панические вспышки. Повторение действий принимает форму обсессивной поглощенности. Контакт с ограниченным числом людей устанавливается двояким путем. Во-первых, люди включаются в мир ребенка в той мере, в какой о них удовлетворяют его потребности, отвечают на его навязчивые вопросы, учат его читать и делать другие вещи. Во-вторых, хотя люди все еще представляются досадными помехами, ребенок, пусть и неохотно, реагирует на их вопросы и команды, принимая их вмешательство лишь затем, чтобы поскорее от него отделаться и остаться в желанном одиночестве. В возрасте шести-восьми лет дети начинают играть в группе – пока не с детьми, но, по крайней мере, на периферии группы или рядом с ней. Навыки чтения приобретаются быстро, но чтение монотонно, а прочитанное или увиденное воспринимается скорее в виде не связанных между собой отрывков, чем в виде связного целого. Все это позволяет родителям чувствовать, что, несмотря на отличия от других детей, ребенок развивается и улучшается.

Нелегко оценить тот факт, что у всех наших детей были высокоинтеллектуальные родители. Совершенно очевидно наличие в семейном фоне выраженной

обсессивности. Очень подробные дневники и описания, частые воспоминания даже спустя несколько лет о том, что дети научились повторять вслух двадцать пять вопросов и ответов из пресвитерианского катехизиса, петь тридцать семь детских песенок или различать восемнадцать симфоний, – все это иллюстрации родительской обсессивности.

Бросается в глаза еще один факт. В целом среди членов семьи очень немного действительно теплых и сердечных отцов и матерей. Большинство родителей, прауродителей и родственников – люди, поглощенные связанными с наукой, литературой и искусством абстракциями, ограниченные в искреннем интересе к людям. Даже некоторые удачные браки это скорее холодные и формальные союзы. Три брака были тяжело неудачными. Отсюда вопрос о том, связано ли и, если да, то в какой степени, состояние детей с этими особенностями семьи. Детское одиночество с начала жизни не дает оснований связывать состояние в целом исключительно с типом раннего родительского отношения к нашим пациентам.

Тогда мы должны предположить, что эти дети приходят в мир с врожденной неспособностью к установлению обычного, биологически обеспечиваемого аффективного контакта с людьми подобно тому, как другие дети приходят в мир с физическими или умственными недостатками. Если это предположение верно, дальнейшее изучение наших детей поможет найти конкретные критерии относительно расплывчатых пока понятий о конституциональных составляющих эмоциональной реактивности. Здесь мы представили чистую культуру примеров врожденных аутистических нарушений аффективного контакта*.

* Со времени окончания этой статьи под наше наблюдение поступили еще два ребенка с врожденными аутистическими нарушениями аффективного контакта.

Первая публикация перевода в двух номерах журнала «Вопросы психического здоровья детей и подростков» (2010, №№1-2).

Статья Л. Каннера на языке оригинала: http://neurodiversity.com/library_kanner_1943.html

О переводчике

Виктор Каган – врач, психотерапевт, автор многих книг по психологии ребенка. Его кандидатская диссертация 1976 года, а также несколько последующих книг и статей были посвящены аутизму.

В своем комментарии к переводу классической статьи Каннера Виктор Каган пишет следующее:

Мне было чрезвычайно интересно снова обратиться к этой статье спустя без малого сорок лет после первого знакомства с ней. Другие отношения с английским и другой опыт позволили уже не только вслушиваться в речь Мэтра, но и сопоставлять услышанное с собственными наблюдениями и мыслями. Безусловно, было интересно окунуться в прошлое и, опять-таки, теперь иными глазами сравнить детскую психиатрию в те годы в двух странах. Но главное – сравнить психиатрию и детскую психиатрию тогда (с весьма скудными лечебными возможностями, но с живой и непосредственной, внимательной, творческой клиничностью подходов) и сегодня (с огромным и быстро увеличивающимся арсеналом средств лечения, но изрядно подрастерявшую живую клиничность на фильтрах стандартизации и унификации). У читателя, видимо, найдутся и другие, свои грани интереса к статье. Так или иначе, я благодарен АДПП и ее президенту – д-ру Анатолию Северному за честь доверия мне перевода этой статьи и за полученное при этом удовольствие.

Виктор Каган
Даллас, США, март 2010